

https://vk.com/the_dark_artifices

Сын Рассвета

Кассандра Клэр и Сара Риз Бренна

Призраки Теневого Рынка

Призраки Теневого Рынка

Книга 1

Сын Рассвета

от Кассандры Клэр и Сары Риз Бреннан

Призраки сумеречного рынка

1.
Сын Рассвета
от Кассандры Клэр и Сары Риз Бреннан
2.
Отбрасывая Длинные Тени
от Кассандры Клэр и Сары Риз Бреннан
3.
Каждая Изысканная Вещь
от Кассандры Клэр и Морин Джонсон
4.
Познать Потерю
от Кассандры Клэр и Келли Линк
5.
Глубочайшая Любовь
от Кассандры Клэр и Морин Джонсон
6.
Грешники
от Кассандры Клэр и Робин Вассерман
7.
Через кровь, через пламя
от Кассандры Клэр и Робин Вассерман
8.
Земля, которую я потерял
от Кассандры Клэр и Сары Риз Бреннан

Это произведение художественной литературы. Имена, персонажи, места и инциденты являются либо продуктом воображения автора, либо, если они реальны, используются фиктивно. Все заявления, действия, трюки, описания, информация и материалы любого другого рода, содержащиеся в настоящем документе, включены только для развлекательных целей и не должны полагаться на точность или воспроизведены, поскольку они могут привести к травме.

http://vk.com/the_dark_artifices

5

Перевод выполнен группой: https://vk.com/the_dark_artifices

(Тёмные Искусства | The Dark Artifices)

Переводчики:

Екатерина Лобан,
Юлия Зотова, Ольга Бурдова.

Редакторы:

Виктория Александрова,
Dasha Shestacova, Саша Тарасова.

Копирование разрешается только со ссылкой на источник.

Уважайте чужой труд!

Сын рассвета

Нью-Йорк, 2000 год

Каждая вселенная состоит из множества других, и люди блуждают по доступным им мирам в поисках места, которое они смогут назвать домом.

Некоторые люди считали, что их вселенная - единственная. Как же мало они знали о других мирах, которые находились прямо за дверью от их собственного, и о демонах, пытающихся пройти сквозь эту дверь, и о Сумеречных Охотниках, стоящих на страже! Но еще меньше они знали о Нижнем Мире - сообществе волшебных существ, которые отгрохали себе небольшой кусочек от общей с людьми вселенной.

А каждому сообществу нужно сердце. Обязательно должно быть нейтральное место, где все могли бы собираться, обмениваться товарами и секретами, искать любовь и прибыль. Таким местом служили Теневые Рынки, на которых встречались обитатели Нижнего Мира и люди с даром Виденья со всего света. Обычно их проводили вне помещений.

В Нью-Йорке даже магия была несколько иной.

Здание заброшенного театра стояло на Канал-стрит с 1920-х годов, являясь молчаливым свидетелем бурлящей жизни города, в который он уже давно не принимал участие. Люди, не обладающие даром Виденья, проходили мимо его терракотового фасада, спеша по своим делам. И даже если бы они и взглянули случайно на театр, то подумали бы, что тот, как всегда, темен и безмолвен.

Они не могли видеть мерцающую дымку от огоньков фейри, которые оплели опустошенный амфитеатр и голые бетонные залы позолотой. Брат Захария мог.

Он шествовал, словно сотканный из безмолвия и мрака, сквозь залы, облицованные солнечно-желтой мозаикой и сверкающими золотом и пурпуром

панелями на потолочных перекрытиях над головой. Повсюду в нишах вдоль стен были установлены потемневшие от времени бюсты, но сегодня фейри уговорили цветы и ветки плюща обвить их. Обратни расставили в заколоченных окнах небольшие мерцающие талисманы, изображающие луну и звезды, которые делились своей яркостью с выцветшими бордовыми занавесями, все еще свисающими в рамках с арочными ригелями. В оконных проемах виднелись светильники, которые напомнили брату Захарии о том времени, когда он сам и весь мир были совсем другими. В одном из огромных, наполненных эхом театральных залов висела хрустальная люстра, которая не работала целую вечность, но сегодня волшебство колдунов охватило каждую лампочку пламенем разных оттенков. Словно горящие драгоценности, аметисты и рубины, сапфиры и опалы, их свет создал свою вселенную, которая казалась одновременно и новой, и старой, и возродил театр во всей его прежней красе. Некоторые миры созданы для того, чтобы просуществовать лишь одну ночь.

Если бы Рынок имел возможность одолжить ему немного тепла и света хоть на одну ночь, брат Захария бы ею воспользовался.

Настойчивая женщина-фейри пыталась продать ему любовный амулет вот уже в четвертый раз. Как хотел бы Захария, чтобы этот приворот мог на него подействовать! Будучи абсолютно далеким от всего человеческого существом, он не нуждался во сне, но иногда все же ложился и отдыхал, надеясь, что на него снизойдет нечто похожее на умиротворение. Этого ни разу не произошло. Он проводил бесконечные ночи, ощущая ускользающую сквозь пальцы любовь, от которой сейчас осталось скорее воспоминание, чем настоящее чувство.

Брат Захария не был обитателем Нижнего Мира. Он являлся Сумеречным охотником, и более того, был одним из представителей братства, всегда облаченных в плащ с капюшоном, чьи жизни были посвящены сокровенным тайнам и мертвецам, клятвой и рунами приговоренный к отстраненности от любого из миров. Даже его

собственный род зачастую страшился Безмолвных Братьев, а обитатели Нижнего Мира вообще сторонились любого Сумеречного охотника, но к визитам на Рынки конкретно этого охотника уже привыкли. Брат Захария приходил на Теневые Рынки вот уже сотню лет, в длительных поисках того, что уже и сам стал считать безнадежно пропавшим. И все же он продолжал искать. Время было почти единственной роскошью, оставшейся у брата Захарии, поэтому он старался проявлять терпение.

Однако сегодня он уже потерпел неудачу: у колдуна Рагнора Фелла не было для него вестей. Никто из его нескольких новых знакомых, старательно приобретенных за последние десятилетия, не соизволил посетить этот Рынок. Он оттягивал свой уход не потому, что ему нравился нынешний Рынок, а потому что помнил, как он получал от них удовольствие когда-то.

Эти визиты были словно побег, но сейчас брат Захария уже с трудом вспоминал свое желание убежать из Города Костей, где ему было самое место. На самом краю его сознания, холодный, будто прилив, который так и ждет, чтобы смыть все посторонние мысли, всегда звучал хор голосов братьев. Они звали его домой.

Брат Захария развернулся в бриллиантовых отблесках от окна, чтобы покинуть Рынок, прокладывая путь через смеющуюся, торгующуюся толпу, но внезапно услышал женский голос, произносящий его имя.

— Скажи мне еще раз, зачем нам нужен этот Брат Захария. Обычные нефилимы и так невыносимы со своей ангельской кровью в венах и вечно задранными носами, а с Безмолвными Братями, держу пари, вообще каши не сваришь. Его однозначно не стоит звать на караоке.

Женщина говорила по-английски, но мальчик отвечал ей на испанском.

— Тихо, я его вижу.

Разговаривали двое вампиров, и когда Захария обернулся, то мальчик помахал ему рукой, чтобы привлечь внимание. Вампир с поднятой рукой выглядел не старше пятнадцати, а его спутница казалась юной женщиной около девятнадцати лет, но это

ничем не помогло Захарии, в конце концов, он и сам выглядел молодо.

Для незнакомого обитателя Нижнего Мира было довольно необычным искать его внимания.

— Брат Захария? — спросил подросток. — Я здесь, чтобы встретиться с вами. Женщина присвистнула.

— Теперь я понимаю, зачем он нам нужен. Приве-ет, брат Привлекария.

"На самом деле?" - задал Брат Захария вопрос мальчику, почувствовав то, что раньше могло бы быть удивлением, а сейчас как минимум тянуло на любопытство. — "Могу ли я быть чем-то вам полезен?"

— Очень на это надеюсь, — заявил вампир. — Меня зовут Рафаэль Сантьяго, заместитель главы Нью-Йоркского клана, и я просто ненавижу бесполезных людей.

Женщина помахала рукой:

— Я – Лили Чен. Он всегда такой.

Брат Захария присмотрелся к парочке с большим интересом. Женщина носила необычайно шедшее ей ципао, ее волосы были испещрены полосами неоново-желтого цвета, и, несмотря на свое замечание, она улыбалась над словами спутника. Волосы парнишки были кудрявыми, лицо милым, а выражение на нем - надменным. У самого основания шеи, там, где мог лежать крест, виднелся шрам от ожога.

"Мне кажется, у нас есть общий друг", — сказал Брат Захария.

— Я так не думаю, — ответил Рафаэль Сантьяго. — У меня нет друзей.

— О, ну спасибо тебе большое, — отозвалась девушка, стоящая рядом.

— Ты, Лили, — проронил Рафаэль прохладно, — моя подчиненная.

Он снова повернулся к Брату Захарии.

— Полагаю, вы имели в виду колдуна Магнуса Бейна. Он – всего лишь коллега, который ведет больше дел с Сумеречными охотниками, чем я одобряю.

Захария задумался, говорит ли Лили на мандаринском. Безмолвные Братья, ведущие беседу посредством передачи мыслей, не нуждались в знании языков, но

Захария иногда скучал по своему. Бывали ночи, а в Городе Костей всегда царила ночь, когда он не мог вспомнить даже свое имя, но зато помнил звук голосов родителей или суженой, говорящих на мандаринском наречии. Его невеста выучила несколько слов специально для него, когда он еще думал, что сможет прожить достаточно долго, чтобы жениться. Он не возражал бы подольше поговорить с Лили, но ему не особенно нравились манеры ее спутника.

"Раз вы не заинтересованы в помощи Сумеречных Охотников, либо поддержании разговора об общих знакомых, — озвучил брат Захария свое наблюдение, — "зачем нужно было обращаться ко мне?"

— Мне требовалось побеседовать с Сумеречным Охотником, — сказал Рафаэль.

"Почему бы тогда не пойти в ваш Институт?"

Рафаэля обнажил клыки в презрительной ухмылке. Никто не умел ухмыляться так презрительно, как вампиры, а у этого конкретного вампира получалось особенно профессионально.

— Мой Институт, как вы его назвали, находится под управлением людей, которые являются... как бы потактичней выразиться... фанатиками и убийцами.

Фейри, продающий ленточки с вплетенными в них чарами, прошел мимо, таща синие и фиолетовые флажки.

"Вы выразились не особенно тактично", — счел своей обязанностью указать Брат Захария.

— Ну да, — задумчиво ответил Рафаэль. — Я не очень талантлив в этой области. Нью-Йорк всегда был местом повышенной активности обитателей Нижнего Мира. Городские огни действуют на людей так, словно они – оборотни, воюющие на электрическую луну. Один колдун однажды пытался уничтожить этот мир, еще до моего появления. Глава моего клана проводила ужасный эксперимент с наркотиками, вопреки моей рекомендации, и превратила город в бойню. Смертельные схватки оборотней за право быть вожаком происходят здесь гораздо чаще, чем где бы то ни

было. Вся семья Уайтло погибла, защищая обитателей Нижнего Мира от тех, кто сейчас занял их место в Институте. Естественно, Конклав не посоветовался с нами, решив избрать это место для наказания Лайтвудов. Сейчас мы не имеем к Институту никакого отношения. — Рафаэль произнес это абсолютно безапелляционно, и Брат Захария подумал, что новости тревожные. Он сражался во время Восстания, когда группа подростков-бунтарей пошла против своих же лидеров и против перемирия с обитателями Нижнего Мира. Ему рассказывали о том, как Круг Валентина охотился на оборотней в Нью-Йорке, и как Уайтло им помешали, что в результате привело к еще большей трагедии, чем планировали эти ненавистники Нижнего Мира. Он не одобрял ссылку Лайтвудов и Ходжа Старквезера в Нью-Йоркском Институте, но до него доходили слухи, что Лайтвуды прочно осели здесь со своими тремя детьми и испытывают искреннее раскаяние за свои прошлые действия.

В Безмолвном городе боль и борьба за власть во внешнем мире казались такими далекими.

Захарии не приходило в голову, что обитатели Нижнего Мира будут возмущены действиями Лайтвудов настолько, что откажутся от их содействия, даже когда помощь Сумеречных охотников будет действительно необходима. Возможно, ему следовало раньше об этом задуматься. Длинная и запутанная история отношений между обитателями Нижнего мира и Сумеречными охотниками наполнена болью, во многом причиненной по вине нефилимов, признал брат Захария. Тем не менее, на протяжении веков они находили способы работать совместно.

"Я знаю, что следуя приказам Валентина Моргенштерна, Лайтвуды совершали ужасные поступки, но если они воистину раскаялись, не могли бы вы их простить?"

— Так как моя душа проклята, то отсутствуют и возражения против моральной стороны поступков Лайтвудов, — произнес Рафаэль чрезвычайно назидательным тоном. — Однако есть серьезные возражения против того, чтобы мне отрезали голову. Уверен, если им дать хоть малейший повод, Лайтвуды с радостью истребят весь мой

клан.

Единственная женщина, которую Захария когда-либо любил, была колдуньей, и он видел, как она рыдала из-за действий Круга и их последствий. У Брата Захарии не было оснований защищать Лайтвудов, но каждый заслуживает получить второй шанс, если достаточно настойчиво его добивается. А еще одним из предков Роберта Лайтвуда была женщина по имени Сесиль Эрондейл.

"А если они этого не сделают", — высказал предположение Брат Захария. — Не будет ли предпочтительнее восстановить отношения с Институтом, вместо того, чтобы надеяться подкараулить Безмолвного Брата на Теневом Рынке?"

— Конечно, так было бы лучше, — ответил Рафаэль. — Я отлично понимаю, что это не идеальная ситуация. Это уже не первая уловка, к которой я был вынужден прибегнуть, чтобы добиться аудиенции с Сумеречными Охотниками. Пять лет назад я был приглашен на кофе к Эшдаунам. — Они со спутницей дружно содрогнулись от отвращения.

— А я всей душой ненавижу Эшдаунов, — отметила Лили. — Они такие нудные. Думаю, если бы я решила попробовать кровь одного из них, то заснула бы в процессе.

Рафаэль кинул на нее предупреждающий взгляд.

— Хотя я никогда и не подумала бы выпить кровь кого-то из Сумеречных Охотников без его согласия, ведь это было бы нарушением Соглашений! — громко проинформировала Лили Брата Захария. — А Соглашения для меня крайне важны.

Рафаэль прикрыл глаза, и на короткое мгновение выражение, словно от боли, исказило его лицо, но он почти сразу открыл их и кивнул.

— Ну так как, о брат Пальчики-облизария, ты нас выручишь? — весело спросила Лили.

Холодная тяжесть неодобрения от Безмолвного Братства придавила его разум, словно камнями. Захарии позволялось гораздо больше, чем обычному Безмолвному

Брату, но его частые посещения Теневого Рынка и ежегодные встречи с леди на мосту Блэкфрайерс уже испытывали пределы разрешенного. Если он начнет водиться с обитателями Нижнего Мира по вопросам, с которыми может прекрасно справиться и Институт, привилегии Брата Захария могут быть отозваны. А он не мог рисковать этими встречами. Всем, чем угодно, но только не ими.

"Безмолвным Братьям запрещено вмешиваться в дела внешнего мира. Какова бы ни была ваша проблема", — сказал брат Захария, — "я настоятельно рекомендую вам проконсультироваться с вашим Институтом."

Он склонил голову и собирался отвернуться.

— Моя проблема заключается в оборотнях, контрабандой доставляющих в Нью-Йорк Инь-Фень, — выкрикнул за его спиной Рафаэль. — Слышали когда-нибудь про Инь-Фень?

Колокольчики и песни Теневого Рынка, казалось, стали тише. Брат Захария резко повернулся к двум вампирам. Хитрый блеск в глазах Рафаэля Сантьяго указал брату Захарии на то, что Рафаэль немало знал о его собственной истории.

— А, — произнес вампир. — Вижу, что слышали.

Захария обычно пытался сохранить воспоминания о своей жизни смертного, но теперь ему пришлось приложить усилия, чтобы прогнать пронизывающий кошмар о том, как еще ребенком он проснулся с серебром, горящим в жилах, потеряв всех, кого любил.

"Где вы слышали про Инь-Фень?"

— Я не собираюсь рассказывать это вам, — сказал Рафаэль. — А еще я не намерен позволять свободно распространять это вещество в моем городе. Большое количество Инь-Феня направляется сюда на борту судна, перевозящего грузы из Шанхая, Хо Ши Мина, Вены и самого Идриса. Корабль будут разгружать в Нью-Йоркском терминале для пассажирских судов. Вы поможете мне или нет?

Рафаэль уже упоминал лидера клана, который проводил ужасные эксперименты

с наркотиками. Захария предположил, что среди обитателей Нижнего Мира, которые могли быть потенциальными клиентами, на Рынке уже ходило множество слухов об этой поставке. Тот факт, что обитатель Нижнего Мира с консервативными взглядами на мир прослышал об этом, был лишь счастливой случайностью.

"Я помогу вам", — ответил брат Захария. — "Но мы должны посоветоваться с Нью-Йоркским Институтом. Если хотите, я могу пойти с вами и разъяснить обстоятельства дела. Лайтвуды оценят информацию, которую вы предлагаете. Это будет отличной возможностью улучшить отношения между Институтом и всеми обитателями Нижнего Мира в Нью-Йорке."

Рафаэль не выглядел окончательно убежденным, но спустя некоторое время все же кивнул.

— Вы пойдете со мной? — спросил он. — Не подведете меня? Они не будут слушать вампира, но, полагаю, могут прислушаться к мнению Безмолвного Брата.

"Сделаю все, что от меня зависит", — заверил брат Захария.

Лукавые нотки послышались в голосе Рафаэля:

— А если они мне не помогут? Что, если они или даже Конклав откажется поверить мне, что вы будете делать тогда?

"Я все равно помогу вам", — ответил брат Захария, игнорируя холодный стон братьев в сознании и думая о ясных глазах Тессы. Он до ужаса боялся лишиться встреч с ней, но когда они все же увидятся, то хотел сделать это с незапятнанной совестью. Он не мог позволить хоть одному ребенку пережить то же, через что прошел он сам, если мог предотвратить это. Захария не мог испытывать те же чувства, что и смертный, но Тесса могла. А он не мог позволить ей разочароваться в нем, ведь она была последней звездой, которая его направляла.

— Я пойду в Институт вместе с вами, — вызвалась Лили.

— Даже и не думай, — отрезал Рафаэль. — Это небезопасно. Вспомни, Круг напал на Магнуса Бейна.— Льда в голосе Рафаэля было достаточно, чтобы на неделю

покрыть инеем весь центр Нью-Йорка в разгар лета. Он с неприязнью смерил взглядом Брата Захарию. — Магнус изобрел вам порталы и не получил от Сумеречных охотников даже благодарности за это. Он - один из самых могущественных колдунов в мире, и при этом настолько мягкосердечен, что бросается на помощь злобным убийцам. Он - лучшее из того, что Нижний Мир может предложить. Если бы Круг избрал его своей целью, то они бы повредили нам всем.

— Что было бы чертовски досадно, — подтвердила Лили. — Ведь еще Магнус закатывает потрясающие вечеринки.

— Я не слышал, — сказал Рафаэль, с отвращением бросая косой взгляд на жизнерадостное буйство Рынка. — Не люблю людей. И сборища.

Оборотень с зачарованной луной из папье-маше на голове, пронесся мимо Рафаэля с криком "Ау-у-у!" Рафаэль обернулся, чтобы взглянуть на него, и оборотень отшатнулся, подняв руки вверх и бормоча: «Простите. Ошибочка вышла».

Несмотря на легкое сочувствие оборотню, Брат Захария немного расслабился при виде того, что этот вампир не совсем безнадежен.

"Насколько я понимаю, вы высоко цените Магнуса. Я тоже. После того, как он помог кое-кому очень близкому..."

— Вовсе нет! — прервал его Рафаэль. — И мне совершенно неинтересно слушать вашу историю. Не передавайте ему то, что я говорил. Я имею право иметь свое собственное мнение о коллегах. Что вовсе не означает моей к ним привязанности.

— Эй, приятель, как приятно тебя здесь встретить, - сказал проходящий мимо Рагнор Фелл. Рафаэль прервался, чтобы поприветствовать зеленого колдуна, ударив кулаком о подставленный кулак, а затем Рагнор растворился среди прилавков, звуков и разноцветных огней Рынка.

Лили и Брат Захария внимательно на него посмотрели.

— Еще один коллега! — запротестовал Рафаэль.

"Мне нравится Рагнор", — отметил Брат Захария.

— Рад за вас, — отрезал Рафаэль. — Наслаждайтесь своим хобби испытывать симпатию и доверять всем и каждому. Лично мне это кажется таким же приятным, как загорать на солнце.

Захария почувствовал, что понял вторую причину постоянной мигрени Магнуса при упоминании в его присутствии Нью-Йоркского клана вампиров, помимо злобной бывшей пассии.

Они с Лили и Рафаэлэм побрели через рынок.

— Любовный талисман для очаровательного Безмолвного Брата? - спросила женщина-фейри в пятый раз, заинтересованно ухмыляясь из-под пушистых, словно головка одуванчика, волос.

Иногда он жалел, что стал на Теневом Рынке таким обыденным гостем. Он подумал, что уже видел эту женщину, смутно припоминая, как она причинила боль златовласому ребенку. Это было так давно. Тогда ему еще было не все равно.

Лили фыркнула.

— Я не думаю, что брат Готов-покувыркария нуждается в любовном привороте.

"Спасибо, не нужно", — ответил Брат Захария женщине.

— Или вы с леди можете воспользоваться слезами феникса в ночь всепоглощающей стра... — она вдруг замолчала, а ее прилавок отрастил куриные ножки и умчался от них прочь по бетонному полу.

— Ой, не обращайтесь на меня внимания! Не заметила вас, Рафаэль.

Рафаэль резко нахмурил тонкие брови, словно обрушивая нож гильотины.

— Зануда, похлеще Безмолвного Брата, — пробормотала Лили.

— Какая жалость! — Рафаэль выглядел чрезвычайно довольным собой.

Захария чувствовал раздражение Брата Еноха за то, что тот стал предметом шутки. Вспышки и круговерть Теневого Рынка бросали слабые блики на брата Захарию. Ему не нравилась мысль, что еще в одном городе Инь-Фень распространится, как серебристый лесной пожар, быстро убивая в пламени или

медленно душа дымом. Он должен был помешать этому. Все же это посещение Рынка было не совсем бесполезным. Даже если он не может ощущать эмоции, он все еще может действовать.

"Возможно, завтра вечером Лайтвуды сумеют завоевать ваше доверие", — промолвил брат Захария, когда они с вампирами вновь окунулись в суету мира примитивных на Канал-стрит.

На что Рафаэль ответил:

— Маловероятно.

"Я всегда считал: надежда лучше, чем отчаяние", — мягко сказал Брат Захария. — Буду ждать вас у Института.

За их спинами переливался волшебный свет, а звуки музыки фейри прокатывались по залам театра. Женщина-примитивная обернулась и посмотрела на здание. Искрящийся голубой свет под неестественным углом упал на ее глаза, не замечающие этого великолепия.

Парочка вампиров двинулась на восток, но на полпути Рафаэль обернулся к брату Захарии. В ночном мраке, вдалеке от огней Рынка шрам вампира казался белым, а его глаза - черными. И эти глаза видели слишком многое.

— Надежда - для дураков. Завтра ночью я приду на встречу, но помни вот о чем, Безмолвный Брат, — обронил он. — Такая ненависть никогда не ослабевает. Дело Круга еще не завершено. Наследие Моргенштерна потребует новых жертв. Я не намерен быть одной из них.

"Постойте", — произнес Брат Захария. — Вы не знаете, почему груз корабля будут принимать в терминале для пассажирских судов?

Рафаэль пожал плечами.

— Как я и сказал, корабль перевозит груз из Идриса. Мне кажется, на борту может быть отродье Сумеречных Охотников.

Брат Захария в одиночестве пошел прочь от Рынка, погруженный в

размышления о ребенке на корабле со смертоносным грузом и о возможных жертвах.

* * *

Изабель Лайтвуд не привыкла беспокоиться о чем-либо, но любой, кто столкнулся с перспективой пополнения в семье, начнет нервничать.

И это было не так, как до рождения Макса, когда Алек и Изабель делали ставки, кто же это будет: мальчик или девочка, и потом мама и папа достаточно им

доверяли, чтобы позволить подержать его, такой маленький и нежный сверток, который можно было себе только представить.

Мальчик был старше Изабель, и его должны были оставить в Институте и позволить жить с ними. Джонатан Вэйланд, сын парабатая папы, Майкла Вэйланда. Далеко-далеко в Идрисе Майкл Вэйланд умер, поэтому Джонатан нуждался в новом доме.

Изабель была немного взволнованной, она любила приключения особенно в компании, поэтому если Джонатан Вэйланд окажется таким же веселым и опытным бойцом, как и Алина Пенхаллоу, которая иногда навещала их со своей мамой, то Изабель с радостью примет его.

Если не принимать во внимания тот факт, что Изабель не была в этом уверена.

Родители боролись за право опекать Джонатана с того самого момента, как узнали о кончине Майкла. Изабель подметила, что маме Майкл не очень-то нравился, да и папа не питал большой любви к нему. Сама Иззи никогда не встречала Майкла Вэйланда. Она даже понятия не имела, что у её отца был парабатай. Ни мама, ни папа никогда не говорили о своей молодости, кроме одного момента, когда мама упомянула, что они совершили много ошибок. Иногда Изабель даже задавалась вопросом, а не были ли они замешаны в каких-нибудь темных делах, что и их

наставник Ходж. Алина сказала, что он был преступником.

Однако что бы делали и не делали её родители, Изабель не думала, что мама хочет, чтобы Джонатан был напоминанием обо всех её ошибках прошлого.

Папа не выглядел особо веселым, когда рассказывал про своего парабата, однако был твердо уверен, что Джонатан будет жить с ними. Он настаивал, что Джонатану просто некуда было идти, и что он принадлежал им. Эта ситуация хорошо продемонстрировала, что значит иметь парабата. Однажды, когда ей удалось подслушать разговор родителей, Изабель услышала, как папа произнес:

— Я должен это Майклу.

Мама позволила Джонатану остаться на неопределенный срок, но потом, когда горячий спор был окончен, она не сказала папе больше ни слова. Изабель очень беспокоилась за своих родителей, особенно за маму.

К тому же она должна принять во внимание и своего брата.

Алек не любил новых людей. Каждый раз, когда новые Сумеречные Охотники приезжали из Идриса, Алек мистическим образом куда-то исчезал. Однажды Изабель обнаружила его, скрывающегося за большой вазой и утверждающего, что он потерялся, пытаясь найти комнату для тренировок.

Джонатана должны были доставить в Нью-Йорк на корабле, а на утро следующего дня привести к крыльцу Института.

Изабель была в тренировочной комнате, практиковалась со своим хлыстом, размышляя над проблемой Джонатана Вэйланда, когда услышала шаги, а после голова её брата высунулась из-за двери. Его голубые глаза сверкали.

— Изабель! — сказал он, — Пойдем быстрее. В Святилище мама с папой разговаривают с Безмолвным Братом. И вампиром!

И она тут же побежала в свою комнату, чтобы надеть платье. Безмолвные Братья были довольно прихотливой публикой, почти также как и Консул, если бы он приехал сюда.

В то время как она спускалась вниз, Алек был уже в Святилище, наблюдая за происходящим, а родители были полностью погружены в разговор с Безмолвным Братом. Изабель расслышала, как мама сказала ему что-то вроде:

— Йогурт! Невероятно!

Возможно, это был не йогурт. А какое-нибудь другое слово.

— На корабле вместе с сыном Майкла! – проговорил отец.

Похоже это был не йогурт, если, конечно, у Джонатана Вэйланда нет серьезной аллергии на молочные продукты.

Безмолвный Брат не был таким страшным, как представляла себе Изабель. К тому же, всё то, что Иззи могла видеть из-под капюшона, напоминало ей, всех тех примитивных певцов, постеры с которыми были расклеены по всему городу. От того, как Роберт кивнул ему, а Мариза наклонилась, Изабель поняла, что они прекрасно ладят.

Вампир не разговаривал с родителями. Он, прислонившись к одной из стен, скрестил руки на груди и смотрел в пол. Создавалось такое ощущение, будто он вообще не был заинтересован в диалоге. Он выглядел ребенком, возможно, чуть постарше её и Алека, но такой же симпатичный, как и Безмолвный Брат, если бы не его кислое выражение лица. Одет он был в черную кожаную куртку, а взгляд был хмурым. Изабель страсть как захотелось увидеть его клыки.

— Могу ли я предложить вам кофе? – спросила Мариза неестественно спокойным тоном.

— Я не пью... кофе, — ответил вампир.

— Странно, — сказала Мариза, — Я слышала, что вы провели время за кружкой кофе вместе с Кэтрин Эшдаун.

Но вампир только пожал плечами. Изабель знала, что вампиров нельзя было назвать живыми, и что они были лишены души, но всё же не понимала, почему они вели себя так грубо.

— Ты только посмотри на вампира, — она слегка подтолкнула Алека в ребра,
— Ты можешь в это поверить?

— Да, знаю, — прошептал он ей, — Разве он не замечательный?

— Что? – спросила Иззи, хватая брата за локоть.

Но Алек даже не посмотрел на неё, его взгляд был устремлен только на вампира. Изабель почувствовала, что её одолело то самое странное чувство, которое появлялось каждый раз, когда она замечала, что Алек смотрит на те же самые плакаты с изображением певцом из мира примитивных, что и она. А когда он замечал на себе её взгляд, то сразу краснел и ужасно злился. Изабель была бы не против пообсуждать этих певцов (как, например, примитивные девочки её возраста), но была уверена, что Алек на такое не согласится. Однажды мама даже спросила, на что это такое они уставились, и брат сразу испугался.

— Ты только не подходи к нему близко, — убеждала Изабель, — Мне кажется, вампиры слишком бесцеремонные.

Иззи привыкла общаться в Алеком вот так, шепотом. Поэтому, когда вампир повернул голову в их сторону, её осенило, что в отличии от примитивных, у вампиров слух более чуткий. Он определенно мог их слышать.

Это неприятное осознание побудило Изабель ослабить хватку. Она с ужасом наблюдала, как Алек отстранился от неё и с наглядной решимостью направился к вампиру. Не желая оставаться в стороне, она последовала за ним, держась немного позади него.

— Привет, — сказал Алек, — Очень, эм, приятно с вами познакомиться.

Мальчик-вампир наградил его таким взглядом, будто, пытаясь сказать, что приближаться к нему ближе, чем на тысячу ярдов, уже нарушение его личного пространства. Он явно желал и дальше наслаждаться своим блаженным одиночеством где-нибудь в космосе, в самых отдаленных местах.

— Привет.

— Я Александр Лайтвуд, — сказал Алек.

Гримасничая, будто знание этой информацией, было для него извращением, вампир всё же сказал:

— Я Рафаэль.

Когда он скривился, Изабель удалось увидеть его клыки, однако они были не такими классными, как она надеялась.

— Мне уже исполнилось двенадцать лет, — продолжил Алек, которому на самом деле было одиннадцать, — Но ты не выглядишь старше меня. Я знаю, что у вампиров с возрастом всё по-другому. Вы ведь в течение многих лет остаетесь в том же возрасте, в котором вас обратили, верно? Ты выглядишь на пятнадцать, но тебе пятнадцать уже несколько сотен лет. А как долго тебе пятнадцать?

— Мне шестьдесят три, — прямо ответил Рафаэль.

— Оу, — сказал Алек, — Это... это круто.

Брат сделал несколько шагов к вампиру, Рафаэль же не сделал шаг назад, хотя видно было, что хотел.

— К тому же, — застенчиво добавил Алек, — твоя куртка очень крутая.

— Почему ты разговариваешь с моими детьми? – резко спросила мама.

Уже поднявшись со стула, стоявшего напротив Безмолвного Брата, Мариза задала свой вопрос вампиру, одновременно схватив Иззи и Алека. Её пальцы очень сильно сжались; мамина хватка была настолько сильна, что, казалось, она испугалась так, как никогда в жизни.

Сквозь прикосновение матери Изабель поняла, что такой напуганной мама еще никогда не была.

В это тоже время вампир смотрел на них так, будто прикидывал, какие же они будут на вкус. «Возможно, именно так он тебя бы к себе и заманил», - подумала Иззи. Может быть, Алек был просто склонен к подобному рода уловкам. Было бы очень неплохо, обвинить представителя Нижнего Мира в попытке заставить Изабель

понервничать.

Безмолвный Брат поднялся со своего стула и плавно направился в их сторону. Изабель услышала, как вампир что-то шепнул Безмолвному Брату, и почему-то была уверена, что он сказал: «Это просто кошмар».

Изабель показала вампиру язык, когда как, за губами Рафаэля, сверкнули клыки, которые удалось поближе рассмотреть. Алек снова взглянул на Изабель, желая убедиться, что та не испугалась. Изабель практически ничего не боялась, в отличие от Алека, который всегда суетился.

"Рафаэль пришел сюда только из-за беспокойства о юном Сумеречном Охотнике", — сказал Безмолвный Брат.

— Нет, я не из-за этого сюда пришел, — усмехнулся Рафаэль, — Ты лучше за своими детьми присматривай. Однажды я убил целую группу мальчиков, не старше твоего сына. Должен ли я считать, что вы мне отказали помочь с доставкой? Я глубоко потрясен. Но мы хотя бы попробовали. А теперь нам пора идти, Брат Захария.

— Подожди, — окликнул его Роберт, — Конечно, мы тебе поможем. Я встречу тебя на месте высадки в Нью-Джерси.

Естественно, папа ему поможет, возмутилась Изабель, похоже этот вампир явно был идиотом. Какие бы ошибки не совершали её родители в прошлом, в данный момент они возглавляли Институт Нью-Йорка и за всё это время убили несчетное количество демонов, поэтому любой здравомыслящий человек понял бы, что на её отца они всегда могут рассчитывать.

— И вы всегда можете проконсультироваться с нами по любым делам, что касаются Сумеречных Охотников или Нижнего Мира, — добавила её мама, но, не отпуская их до тех пор, пока вампир и Безмолвный Брат не покинули Институт.

Изабель подумала, что следующий визит будет очень увлекательным, однако чувствовала она себя просто ужасно. Ей хотелось, чтобы Джонатан Вэйланд вообще не приезжал.

Гости были просто отвратительными, и встречать других, подобно этим, у Изабель не было никакого желания.

* * *

План заключался в незаметном проникновении на борт корабля, задержке контрабандистов и избавлении от инь-феня. И ребенку об этом знать не стоило.

Вновь оказаться на одном из кораблей сумеречных охотников было почти приятно. Брату Захарии в детстве доводилось бывать на трехкорпусных судах на озерах Идриса; однажды его парабатай умудрился угнать одно такое судно, и они плыли на нем по Темзе.

Теперь же он, раздраженный Роберт Лайтвуд и два вампира на таком же корабле пересекали темные воды реки Делавэр, спускаясь из порта Кэмден. Лили продолжала жаловаться на то, что они буквально достигли Филадельфии, пока судно не приблизилось к высокому грузовому кораблю. На его сером боку темно-синими буквами было выгравировано «Торговое судно “Рассвет”». Они выждали какое-то время, после чего Роберт бросил якорь.

Брат Захария, Рафаэль, Лили и Роберт Лайтвуд, пробравшись на судно, спустились в пустую каюту. Подобное путешествие, сколь бы коротким и скрытным ни было, создавало впечатление того, что среди команды на борту не оказалось ни одного примитивного. И, прячась и считая голоса контрабандистов, они осознали: людей оказалось больше положенного.

– О нет, Брат Хоп-в-мешок-ария, – прошептала Лили. – Боюсь, нам придется с ними сражаться.

И этот факт ее явно взбодрил. Она подмигнула и стянула с желтых прядей волос перьевую повязку.

– Это аутентичная штучка из двадцатых, так что не хочется ее повредить, –

пояснила она, кивнув на Рафаэля. – И она со мной дольше, чем он. Рафаэль из пятидесятих. Дети джаза и нахальные подростки завоевывают мир.

Рафаэль закатил глаза.

– Воздержись от прозвищ. Они все хуже и хуже.

Лили лишь рассмеялась.

– Обойдешься. Однажды Захария – уже никогда не Возврахария.

И Рафаэль, и Роберт Лайтвуд выглядели одинаково возмущенно, но сам Захария против прозвищ ничего не имел.

Ему не так уж и часто доводилось слышать смех.

Его больше беспокоил ребенок.

"Нельзя допустить, чтобы Джонатан испугался или пострадал", – проговорил он.

Роберт кивнул, вампиры выглядели абсолютно непричастно, а из-за двери вдруг раздался мальчишечий голос:

– Я ничего не боюсь.

«Джонатан Вейланд», – предположил Захария.

– Тогда почему спрашиваешь про Лайтвудов? – поинтересовалась какая-то женщина. Ее голос звучал раздраженно. – Они тебя забирают. И не станут относиться к тебе плохо.

– Мне просто было интересно, – отозвался Джонатан.

Он явственно прилагал все усилия к тому, чтобы казаться беззаботным и безразличным, и у него это неплохо выходило. По крайней мере, его слова звучали достаточно развязно.

Большинство людей, подумал Брат Захария, он мог бы убедить.

– У Роберта Лайтвуда есть связи в Конклаве, – заметила женщина. – Он надежный человек. Уверена, он готов стать тебе отцом.

– У меня был отец, – прозвучал ледяной, будто ночной ветер, голос Джонатана.

Женщина молчала. Роберт Лайтвуд в противоположном углу каюты низко опустил голову.

– Но вот мать, – теперь он казался напряженным. – Какая она, Мариза Лайтвуд?

– Мариза? Я едва с ней знакома, – отозвалась женщина. – У нее трое детей. А четверо – это уже перебор.

– Я не ребенок. И не побеспокою ее, – Джонатан замолчал на мгновение. – Здесь так много оборотней.

– Фу. Выросшие в Идрисе детишки отвратительны, – пробормотала женщина. – Оборотни – неоспоримый факт жизни, как бы ты ни сожалел. Мир населяют разные создания. Иди спать, Джонатан.

Закрылась еще одна каютная дверь, а следом защелкнулся замок.

– Итак, – заговорил Роберт Лайтвуд. – Вампиры, на вас правый борт. На нас с Братом Захарией левый. Любыми возможными методами сдерживайте оборотней и вычислите местоположение инь-феня.

Они вернулись на палубу. Ночь была тяжелой; ветер так и норовил сорвать с головы Захарии капюшон, а палуба словно двигалась под ногами. Захария не мог разомкнуть губ, дабы попробовать на вкус соленый воздух. На горизонте блестел Нью-Йорк, сияя, словно огни Теневого Рынка в темноте.

Они не могли допустить, чтобы инь-фень попал в город.

На палубе находилось несколько оборотней. Один пребывал в животной форме – Захария отчетливо различал серебристый оттенок его меха. Шерсть второго теряла цвет у кончиков лап. Захария задавался вопросом: знают ли они, что умирают? Слишком уж живы были воспоминания о том, как инь-фень убивал его.

Иногда жить без эмоций было потрясающе. Иногда человеческая жизнь причиняла слишком много боли, а сейчас Захария не мог позволить себе размениваться на жалость.

Брат Захария ударил одного из оборотней по голове своей тростью, а когда

обернулся, Роберт Лайтвуд уже заканчивал разбираться со вторым. Замерев, они прислушивались к завыванию ветра и шуму морских волн, дожидаясь, когда с нижних палуб явятся остальные. А затем до Захарии донеслись звуки с другого конца корабля.

"Оставайся на месте", – сказал он Роберту. – "Я пойду к вампирам".

Пришлось пробиваться. Оборотней было больше, чем он рассчитывал. Над их головами можно было заметить Лили и Рафаэля, мелькающих, словно тени, блестя зубами в лунном свете.

Зубы оборотней были видны еще лучше. Захария сбросил одного из них за борт судна, второго ударил в челюсть, уклоняясь от когтей, едва не сбивших его с ног. Их было слишком много.

В смутном удивлении промелькнула мысль о том, что таким мог быть его конец.

Наверное, он должен был почувствовать что-то большее, нежели удивление, но теперь ему были присущи лишь пустота – та, которую он ощущал, прогуливаясь по Теневому Рынку – и ледяные, словно море, голоса его братьев. На вампиров ему было наплевать.

Равно как и на самого себя.

В ушах звенел рык оборотня, смешавшийся со звуками волн. Руки из-за трости начали болеть. Все должно было закончиться намного раньше. Он едва помнил, зачем вообще сражается.

На другом конце палубы один из оборотней целился прямо в сердце Лили когтистым кулаком. Та же обхватывала за шею другого оборотня. И защитить себя у нее не было никаких шансов.

Распахнулась дверь, и наперерез оборотням метнулась женщина – сумеречный охотник.

Она не была готова. Волк вцепился ей в горло, и, когда Захария попытался пробиться к ней, второй напал на него со спины. Трость выпала из пальцев. К первому

оборотню присоединился второй, вонзая когти ему в плечи, заставляя его рухнуть на колени. Третий оборотень – и Захария упал на пол, ударяясь головой о деревянную палубу. Воцарилась темнота. Голоса его братьев практически исчезли, как и шум прибоа и весь свет мира, что больше не мог коснуться его.

Последним, что он увидел перед тем, как темнота накрыла его окончательно, были пустые глаза мертвой женщины. Такие же пустые, как и он сам. Зачем вообще было сражаться?

Но он вспомнил. Не мог позволить себе забыть.

Тесса. Уилл.

Отчаяние никогда не имело над ним большей силы, нежели когда его заставляли мысли о них. Он не мог предать их, сдаться. Это Уилл и Тесса, а ты был Ке Джинан Мингом. Ты был Джеймсом Карстаирсом. Ты был Джемом.

Джем потянулся к клинку на поясе. И сумел подняться на ноги, отбрасывая оборотня в распахнутую дверь кабины и оглядываясь на Лили.

Рафаэль стоял напротив нее. Он выставил руку, защищая девушку, а на поверхности палубы ярко мерцала его кровь. Человеческая кровь казалась черной, словно ночь, вампирская же не утратила алого оттенка.

Лили прокричала его имя.

Нужно было вернуть трость. Та катался по палубе, сверкая серебром в свете луны и гремя, словно кости. На дравке проступала темная резьба. Трость прикатилась прямо к ногам мальчика, только что очутившегося в этом кровавом хаосе.

Мальчик – Джонатан Вейланд – смотрел на него, Брата Захарию, на волков, на женщину с разорванным горлом. К нему приближалась женщина-оборотень. А мальчишка был слишком юн даже для воинских рун.

И Брат Захария понимал: его скорости не хватит.

Повернув голову, сверкнувшую золотом волос в серебристом лунном свете, мальчик поднял трость Захарии. Низкий, худой – хрупчайший из всех, кто мог

противостоять тьме – он развернулся к рычащим зубам и обнаженным когтям. И одним ударом сбил оборотня с ног.

К нему направились еще двое волков, но Захария успел убить одного, в то время как мальчик ударил оставшегося. И, когда он возвращался, мысли Захарии сосредотачивались не на тьме, как в случае с вампирами, а на свете.

Он приземлился на палубу, широко расставив ноги и прокрутив трость в руках, и рассмеялся. Это был не милый детский смех, а дикий буйный звук, который звучал сильнее, чем море или небо, или тихие голоса в его голове. Он был молодым, дерзким, радостным и немного сумасшедшим.

Ранее Брату Захарии уже думалось о том, что он не так часто слышит смех. Но вот подобный смех он не слышал уже до боли длительное время. Он атаковал еще одного бросившегося к мальчишке оборотня, а затем второго, отшвыривая его тело от себя. Одному удалось проскользнуть мимо, атакуя, и до Захарии донеслось щелканье зубов.

"Ты в порядке?"

– Да! – прокричал мальчик.

Брат Захария явственно слышал его тяжелое дыхание за своей спиной.

"Ничего не бойся. Я на твоей стороне."

Кровь, казалось, была холоднее моря, а сердце гулко билось, пока он не услышал, как Лили и Роберт бросились к ним на помощь.

Как только им удалось справиться с оставшимися оборотнями, Роберт забрал Джонатана с собой на мостик. Захария повернулся к вампирам. Рафаэль стянул с себя кожаную куртку. Лили, оторвав от своей рубашки кусок, перевязывала его руку. И плакала.

– Рафаэль, – говорила она. – Рафаэль, не стоило этого делать.

– Получать ранение, способное зажить за ночь, вместо того, чтобы потерять ценного члена клана? – осведомился тот. – Я действовал с выгодой для себя. Всегда

так делаю.

– Если бы, – пробормотала Лили, яростно вытирая слезы тыльной стороной ладони. – И что бы я делала, если бы с тобой что-то произошло?

– Надеюсь, что-нибудь практичное, – ответил Рафаэль. – В следующий раз, будь добра, возьми у одного из поверженных оборотней генетический материал. И прекращай позорить клан на глазах у сумеречных охотников.

Лили проследила за его взглядом, смотря Брату Захарии через плечо. Ее макияж размазался, смешавшись с кровью, но она нагло улыбнулась, сверкнув клыками.

– А вдруг мне хотелось разорвать на себе рубашку ради нашего Брата Пусть-пялится-на-мою-грудь-ария?

Рафаэль закатил глаза. И, так как он отвел взгляд, Лили могла посмотреть на него. И посмотрела. Брат Захария видел, как она подняла руку с красно-золотистыми ногтями, почти прикоснувшись к его кудрявым волосам. Пальцы дернулись, словно она дотронулась до теней над его головой, прежде чем сжаться в кулак. Такой роскоши она себе позволить не могла.

Рафаэль, отстранившись, поднялся на ноги.

– Идем разыщем инь-фень.

Отыскать его не составило труда. Он находился в огромной коробке в трюме. Брат Захария и Лили – последняя едва не закатила сцену, когда Рафаэль предложил помочь – вынесли ее на палубу.

Даже спустя столько лет от одного лишь вида сверкающего в свете луны инь-феня у Захарии что-то вздрогнуло в желудке – словно он очутился на другой лодке в совершенно другом море, в котором невозможно было удержать равновесие.

Лили подняла было коробку, намереваясь высыпать все ее содержимое в море.

– Нет, Лили! – Рафаэль остановил ее. – Я не позволю, чтоб в реках моего города завелись русалки-наркоманы. Или, чего хуже, серебряные аллигаторы в канализации. Никто, конечно, не удивится, но мне-то будет известно, что это твоя вина, и я сильно

в тебе разочаруюсь.

– Ты никогда не позволяешь мне повеселиться, – проворчала Лили.

– Я никому и никогда не позволяю веселиться, – самодовольно отозвался тот.

Брат Захария все еще смотрел на полную серебристого порошка коробку. Когда-то это вещество четко обрисовало ему грань между медленной и быстрой смертью. И Захария поджег порошок, используя известную лишь Безмолвным Братьям руну, уничтожающую всю вредоносную магию. Жизнь и смерть казались лишь пеплом, развеянным по ветру.

"Спасибо, что рассказал мне про инь-фень", – сказал он Рафаэлю.

– На мой взгляд, я просто воспользовался твоей слабостью в этой области, – отозвался Рафаэль. – Однажды ты принимал его, чтобы выжить, насколько мне известно. Но, вижу, ничего не вышло. В любом случае, твое эмоциональное состояние – не моя забота, а мой город в безопасности. Миссия выполнена.

Он отряхнул блестящие от крови и серебра руки над водой.

"Твой лидер знает что-нибудь об этой миссии?" – спросил Захария у Лили.

Та наблюдала за Рафаэлем.

– Разумеется, – ответила девушка. – Он все тебе о ней рассказал. Разве нет?

– Лили! Это глупость и предательство, – голос Рафаэля был холоднее морского бриза. – И если бы мне приказали казнить тебя за это, я бы так и сделал. И не колебался бы.

Прикусив губу, та попыталась ничем не выдать, насколько ее это задело.

– О, но у меня хорошее предчувствие насчет Брата Заха-оседлай-его-как-плохого-пони.

Он никому ничего не расскажет.

– Где здесь возможно для вампира переждать рассвет? – поинтересовался Рафаэль.

Брат Захария даже не рассчитывал, что затяжная битва с оборотнями продлится

до восхода солнца.

Рафаэль послал ему острый взгляд, когда тот не ответил.

– Или здесь комнаты лишь на одного? Нужно обезопасить Лили. Я ответственен за нее.

Девушка отвернулась, чтобы Рафаэль не увидел ее выражение лица, но его уловил Захария. И моментально узнал – помнил с того самого времени, когда еще сам был способен чувствовать нечто схожее. Она сходила с ума от любви.

В грузовом отсеке нашлось место для обоих вампиров. По пути к лестнице Лили едва не споткнулась о мертвую женщину-охотницу.

– Оу, Рафаэль! – радостно крикнула она. – Это Кэтрин Эшдаун!

Ее равнодушие к человеческой жизни ощущалось как холодные брызги морской воды.

Брат Захария различил, как она запоздало вспомнила о его присутствии.

– О нет, – не слишком убедительно добавила девушка. – Какая бессмысленная трагедия.

– Отправляйся в трюм, Лили, – приказал Рафаэль.

"А разве вы не оба пойдете?" – спросил Захария.

– Предпочитаю ждать как можно дольше до рассвета, чтобы испытать себя, – ответил тот.

Лили вздохнула.

– Он католик. Слишком католик, как по мне.

Ее рука беспокойно дернулась, словно ей хотелось утащить Рафаэля следом за собой. Но вместо этого она помахала Захарии – точно так же, как и в их первую встречу.

– Брат Все-шесть-кубиков-ария, – проговорила она. – Было приятно иметь с тобой дело.

"Это взаимно", – ответил Захария, прислушиваясь к тому, как она шла по

лестнице.

По крайней мере, она назвала имя этой женщины. И теперь Брат Захария мог забрать ее к ее семье в Город Костей, где она сумеет обрести покой. В отличие от него самого.

Опустившись на колени перед мертвой женщиной, он закрыл ей глаза.

"Ave atque vale, Кэтрин Эшдаун", – прошептал он.

Поднявшись на ноги, он заметил стоявшего рядом Рафаэля, не глядевшего, впрочем, ни на него, ни на покойницу. Глаза вампира глядели на освещенное светом луны темное море, окантованное тончайшей серебряной линией.

"Был рад познакомиться с вами обоими", – добавил Захария.

– Даже удивительно, с чего бы это, – произнес Рафаэль. – Все эти придуманные Лили прозвища были просто отвратительны.

"Нечасто люди шутят с Безмолвными Братьями."

Перспектива не быть предметом шуток заставила Рафаэля задуматься.

– Наверное, неплохо быть Безмолвным Братом. Помимо, разумеется, того факта, что сумеречные охотники раздражающе жалки. И я бы не был уверен насчет ее шуток. И на твоём месте остерегался, если бы очутился в Нью-Йорке в следующий раз.

"Разумеется, она лишь шутила", – произнес Брат Захария. – "Она влюблена в тебя."

Рафаэль скривился.

– И почему только сумеречным охотникам постоянно хочется говорить о чувствах? Почему никто не может вести себя профессионально? К твоему сведению, я никак не заинтересован в романах и не буду никогда. Теперь мы можем закрыть эту отвратительную тему?

"Можем", – кивнул Брат Захария. – "Возможно, тебе хочется поговорить о куче детей, которых ты, как утверждаешь, убил?"

– Я убил достаточно людей, – отстраненно заметил Рафаэль.

"Группа детей. В твоём городе. Это случилось в пятидесятые?"

Похоже, Мариза Лайтвуд заблуждалась. Брату Захарии было известно, как выглядит человек, винящий и ненавидящий себя за то, что случилось с любимыми им людьми.

– Один вампир охотился на детей в том районе, где жили мои братья, – голос Рафаэля все еще звучал отстраненно. – Я направил свою банду в его убежище, намереваясь остановить его. Никто из нас не выжил.

Брату Захарии хотелось отреагировать помягче:

"Новорожденные вампиры не могут себя контролировать."

– Я был лидером, – стальной голос Рафаэля звучал непоколебимо. – Ответственным. Что ж. Вампира мы остановили, а моя семья сумела продолжить жить.

Все, за исключением одного.

– Обычно я всегда завершаю то, чего желаю, – добавил Рафаэль.

"Предельно ясно", – ответил Захария.

Он вслушивался в звуки волн, бьющих о несущий их к городу корабль. Той ночью на Рынке он не был частью ни города, ни кого-либо в нем, и определенно ничего не чувствовал по отношению к вампиру, точно так же старавшемуся ничего не ощущать.

Но затем раздался смех. И этот звук пробудил в нем то, что, как он давно опасался, давно умерло.

Проснувшийся однажды в этом мире, Захария не хотел оставаться слепым вновь.

"Сегодня ты спас людей. Равно как и сумеречные охотники, пусть они и не сумели спасти тебя, когда ты был ребенком, пытающимся одолеть монстров."

Рафаэль вздрогнул, словно этот намек его нелюбви к охотникам мог физически его коснуться.

– Немногие спасены, – отметил он. – Никого не пощадили. Как-то раз кое-кто пытался меня спасти, и однажды я ему отплачу за это. Мне бы не хотелось быть должным кому-то еще – и чтобы кто-либо был должен мне. Мы все получили то, что так хотели. Со мной и сумеречными охотниками покончено.

"Всегда может настать момент, когда придется помогать друг другу и объединяться", – сказал Брат Захария. – Лайтвуды пытаются. Подумай о том, чтобы сообщить остальным обитателям Нижнего Мира, что ты выжил после ваших совместных дел.

Рафаэль издал непонятный звук.

"Любви существует множество видов – больше, чем звезд", – проговорил Захария. – И если ты не ощущаешь один из них, остаются другие. Ты знаешь, каково это – заботиться о семье и друзьях. То, что мы оберегаем, охраняет нас самих. Подумай вот о чем: запрещая себе ощущать боль, ты закрываешь дверь пред любовью и живешь во тьме.

Перегнувшись через борт, Рафаэль сделал вид, что его тошнит. И выпрямился.

– А, точно. Я же вампир. А нас не тошнит, – фыркнул он. – Но я был близок. Не могу понять, почему. Я слышал, Безмолвные Братья весьма замкнуты. И я надеялся на замкнутость!

"Меня нельзя назвать типичным Безмолвным Братом", – заметил Захария.

– Какой я счастливчик – наткнулся на чувствительного Безмолвного Брата. А можно на будущее запросить какого-нибудь другого?

"Так ты думаешь, что, возможно, в будущем ваши с сумеречными охотниками пути вновь пересекутся?"

Рафаэль, издав звук отвращения, отвернулся от моря. Его лицо было бледным, как свет луны, снежно-белым, словно щека давно умершего ребенка.

– Пойду в трюм. Если, конечно, у тебя не осталось никаких блестящих идей.

Брат Захария лишь кивнул. Тень его капюшона упала ровно на шрам в форме креста, видневшийся на горле вампира.

"Храни веру, Рафаэль. Я знаю, ты помнишь, как это делать."

* * *

Так как вампиры надежно укрылись от солнца в трюме, а Роберт вел корабль в сторону Манхэттена, брат Захария взял на себя задачу по уборке палубы, оттаскивая тела подальше. Он также призвал Братьев, чтобы те помогли позаботиться об умерших и выживших, запертых сейчас в одной из кают. Енох и другие могли не одобрять его решение помочь Рафаэлю, но они всегда будут неукоснительно следовать предписанию - скрывать Сумеречный мир, чтобы обеспечить его безопасность.

Когда брат Захария завершил работу, ему оставалось лишь ждать, пока корабль доставит их в Нью-Йорк. Затем ему придется вернуться обратно в свой город. Пока же он просто сел и застыл в ожидании, наслаждаясь ощущением света нового дня на лице. Прошло уже немало времени с тех пор, как он видел свет, и еще больше - с тех пор, как он получал удовольствие от этого простого факта. Он сидел рядом с мостиком, откуда мог видеть Роберта и юного Джонатана Вейланда, освещенного утренними лучами солнца.

– Ты уверен, что нормально себя чувствуешь? – спросил Роберт.

– Да, – ответил Джонатан.

– Ты не очень похож на Майкла, – неловко добавил Лайтвуд.

– Ага, – сказал Джонатан, – всегда об этом жалел. – Худая спина мальчишки распрямилась, готовая принять удар чужого разочарования.

Роберт выговорил:

– Уверен, ты славный малый.

Джонатан не выглядел уверенным в этом. Роберт постарался избежать неловкого молчания, демонстративно погрузившись в изучение панели управления. Тогда мальчик покинул мостик, двигаясь грациозно, несмотря на качку и наверняка навалившуюся после сражения усталость.

Захария был ошарашен, когда юный Джонатан направился через палубу в его сторону, и надвинул капюшон ниже на лицо. Некоторые Сумеречные охотники настороженно относились к Безмолвному Брату, который отличался от остальных, хотя сами братья выглядели достаточно устрашающими. В любом случае, он не хотел беспокоить мальчика. Джонатан нес трость Брата Захарии, держа её идеально ровно, словно привязанной веревкой, и приблизившись, с уважительным поклоном положил её на колени Безмолвного Брата. Мальчик двигался с военной выправкой, что было необычно в таком юном возрасте, даже для Сумеречного охотника. Брат Захария не был знаком с Майклом Вейландом, но догадывался, что тот, скорее всего, был суровым человеком.

– Брат Енох? – предположил парнишка.

"Нет", – ответил брат Захария. Он знал воспоминания Еноха так же хорошо, как свои собственные.

Енох ранее осматривал мальчика, хотя его память и была подернута дымкой из-за отсутствия интереса. Брат Захария пожалел на секунду, что не может быть знакомым Безмолвным Братом для этого ребенка.

– Нет, – медленно повторил мальчик. – Я должен был догадаться. Вы двигаетесь совсем по-другому. Я просто подумал, что раз вы передали мне трость... – он признательно кивнул. Сердце Захарии сжалось от грусти: ребенок не ждал проявления даже такой незначительной милости от незнакомца.

– Спасибо, что разрешили попользоваться, – добавил Джонатан.

"Рад, что трость оказалась тебе полезна", – отозвался брат Захария.

Мальчик пораженно уставился на него, глаза его сияли словно два солнца в почти еще полной темноте. И это были глаза не солдата, но воина. Брат Захария знал оба типа, и видел между ними разницу. Ребенок отступил на шаг, робкий и подвижный, но остановился, вздернув подбородок. По-видимому, у него был вопрос, но того, что он задал, Захария не ожидал.

– Что означают инициалы? Те, что на вашей трости. У всех Безмолвных Братьев такие?

Они оба посмотрели на трость. Буквы уже стерлись от времени и прикосновений рук Захарии, так как были вырезаны в древесине как раз на тех местах, которых тот касался во время сражения.

Таким образом, в некотором смысле они всегда сражались вместе.

Буквы были: У и Э.

"Нет", – ответил Брат Захария. – Только у меня. Я вырезал их на трости в свою первую ночь в Городе Костей.

– Эти инициалы раньше были вашими? – спросил мальчик тихо и слегка застенчиво. – Когда вы еще были Сумеречным охотником, как я?

Брат Захария все еще считал себя Сумеречным охотником, но Джонатан явно не хотел его оскорбить.

"Нет", – ответил Джем, так как он всегда был Джеймсом Карстаирсом, когда говорил о том, что любил. – Они не мои. Моего парабата. У и Э означают Уильям Эрондейл. Уилл.

Мальчик казался одновременно пораженным и недоверчивым. В нем была какая-то настороженность, будто он сомневался в словах Захарии еще до того, как тот их произнесет.

– Мой отец считает - считал — иметь парабата - величайшая слабость. – Джонатан произнес слово "слабость" с ужасом. Захария задумался, что именно мог посчитать слабостью человек, который муштровал мальчика. Он решил не оскорблять

память погибшего отца сироты, поэтому подбирал слова очень тщательно. Этот мальчик казался таким одиноким! Он вспомнил, какой драгоценной может стать эта новая связь, особенно, когда больше ничего другого не осталось.

Она может служить последним мостиком, соединяющим с утраченной жизнью. Он помнил, как сам отправился за море, потеряв семью, не зная тогда, что обретет лучшего друга.

"Полагаю, что они могут быть и слабостью", – наконец последовал ответ. – Зависит от того, кто твой парабатай. Я вырезал инициалы своего, потому что всегда сражался лучше плечом к плечу с ним.

Джонатан Вейланд, ребенок, который сражался, словно ангел-воитель, выглядел заинтригованным.

– Мне кажется, отец жалел, что у него был парабатай, – поделился он. – А я теперь должен жить с человеком, который заставлял отца жалеть об этом. Я не хочу быть слабаком и не хочу сожалеть ни о чем. Я хочу быть лучшим.

"Если ты притворяешься, что ничего не чувствуешь, притворство может стать правдой," — сказал Джем. — "Было бы очень жаль, если так случилось и с тобой."

Когда-то его парабатай тоже пытался отгородиться от эмоций, не считая чувств к Дjemu. И это почти уничтожило его. А Джем каждый день притворялся, что что-то ощущает, что проявляет заботу и пытается исправить сломанное, что помнит почти забытые имена и голоса, и надеялся, что все это станет правдой.

Мальчик нахмурился.

— Почему было бы очень жаль?

"Мы бьемся отчаяннее, когда на кону стоит то, что мы ценим больше собственных жизней", — ответил Джем. — "Парабатай - это сразу и лезвие, и щит. Вы подходите друг другу не потому, что одинаковые, а потому, что ваши различия объединяются в нечто целое, формируя лучшего воина для служения высшей цели. Я всегда верил, что вместе мы были не просто сильнее, но и гораздо более

эффективными, чем любой из нас мог бы быть поодиночке."

Улыбка медленно прорезалась на лице мальчика, будто солнце неожиданно возшло на горизонте.

— Мне бы хотелось так, — протянул Джонатан Вейланд, и быстро добавил, — чтобы стать великим воином.

Он внезапно поспешил изобразить высокомерие, как будто он или Джем могли интерпретировать его слова как желание принадлежать кому-то. Этот мальчик был помешан на схватках вместо поисков новой семьи. Лайтвуды, ожесточившиеся против вампиров, вместо того, чтобы проявить хоть толику доверия, вампир, держащий друзей на расстоянии - каждый из них нес свои раны, но Брат Захария не мог не гневаться на них за эту привилегию - возможность испытывать боль. Все эти люди пытаются избавиться от чувств, пытаются заморозить в грудных клетках сердца до тех пор, пока холод не покроет их трещинами и не разобьет. В то время как Джем готов был обменять все свое холодное будущее хоть на один день с теплым сердцем, чтобы испытать любовь, как прежде. Но Джонатан был всего лишь ребенком, который по-прежнему пытался добиться одобрения своего сдержанного отца, даже тогда, когда смерть сделала эту задачу невозможной. Джем должен был быть добрее к мальчику. Он подумал о скорости ребенка, о его бесстрашном ударе незнакомым оружием, и этой ночи, когда вокруг лилась кровь и царил неразбериха.

"Я уверен, что ты станешь великим воином", — заверил его Джем.

Джонатан Вейланд наклонил лохматую голову с копной золотистых волос, чтобы скрыть легкий румянец на щеках. Одиночество мальчика слишком ярко воскресило воспоминания Джема о той ночи, когда он высек эти инициалы на трости, о той долгой и холодной ночи, когда он привыкал к новой ледяной сдержанности Безмолвного Братства в своем сознании. Он не хотел умирать, но предпочел бы смерть этой ужасной отрешенности от любви и тепла. Лишь бы он мог умереть в объятиях Тессы и держа Уилла за руку. Но у него украли эту возможность. Казалось

невозможным остаться подобием человеческого существа среди костей и бесконечной тьмы. Когда инопланетная какофония Безмолвных Братьев угрожала поглотить все, чем он был, Джем крепко держался за свою жизнь. Не было никого сильнее этого, и только один он был таким сильным. Имя его парабата было криком в бездну, криком, который всегда получал ответ. Даже в Безмолвном городе, даже с тихим воем, настаивающим на том, что жизнь Джема больше не его собственная, а общая жизнь. Больше не мои мысли, а наши мысли. Больше не моя воля, а наша воля. Он бы не согласился на такое расставание. Мой Уилл. Эти слова означали что-то другое для Джема, чем для кого-либо другого могло значить: мое неповиновение против посягательства темноты. Мое восстание. Моё, навсегда.

Джонатан потыкал носком ботинка в палубу, бросив на него косой взгляд, и Джем понял, что мальчик пытается рассмотреть его лицо под капюшоном. Захария натянул капюшон глубже, погружаясь в тень. Несмотря на неудачу, Джонатан Вейланд улыбнулся ему. Джем не ожидал от этого страдающего ребенка какого-либо проявления доброты, и это заставило его задуматься, что, вероятно, Джонатан Вейланд может вырасти и стать чем-то большим, чем просто великим воином. И, может быть, однажды у него появится парабатай, чтобы научить быть тем человеком, которым он хотел стать.

«Есть связи крепче любой магии», говорил себе Джем в ту ночь, держа в руке нож и делая глубокие надрезы. И он сделал зарубку: взял имя Захария, что означало «помнить». «Помни его, - наказал себе Джем. - Помни их обоих. Помни причину. Помни единственный ответ на единственный вопрос. Не смей забывать».

Когда он поднял голову, Джонатана Вейланда уже не было рядом. Джем было жаль, что он не поблагодарил ребенка за то, что тот помог ему вспомнить.

* * *

Раньше Изабель не доводилось бывать в Нью-йоркском пассажирском речном терминале.

И место ее не впечатлило. Здание напоминало стеклянно-металлическую змею, а они, вынужденные ждать, словно сидели в ее животе. Корабли напоминали стоящие на воде склады, когда Изабель невольно сравнивала их с кораблями Идриса, похожими на пиратские.

Они проснулись в крошечной тьме, сейчас же едва светало и вдобавок было кошмарно холодно. Алек кутался от дуящего со стороны воды ветра в толстовку, а Макс капризничал, недовольный ранним подъемом. Хотя оба ее брата были довольно капризными, так что Изабель не знала, чего и ожидать.

Она заметила отца, спускавшегося по трапу, и мальчика рядом с ним. Рассвет ложился на воду тонкой золотистой полоской. Ветер пускал волны с гребешками по реке, играя с золотистыми локонами мальчика. Его спина была прямой и стройной, словно рапира.

Одет он был в темную облегающую одежду, напоминающую какую-то униформу. И он был весь в крови. Потому что принимал участие в сражении. А мама с папой до сих пор не позволяли им с Алеком сразиться ни с одним крошечным демоном!

Изабель, уверенная в том, что брат разделит ее чувства предательства и несправедливости, обернулась к Алеку, только чтобы обнаружить, как тот пялится широко распахнутыми глазами на незнакомца, словно на него с утра снизошло какое-то откровение.

– Вау, – выдохнул Алек.

– А что насчет того вампира? – возмущенно спросила Изабель.

– Какого вампира?

Мать шикнула на них.

У Джонатана Вейланда были золотистые волосы и глаза, однако глаза

представляли собой лишь отражающую блестящую поверхность, словно захлопнутые металлические двери какого-нибудь храма. Он даже не улыбнулся, остановившись напротив них.

«Лучше уж верните того Безмолвного Брата», – подумалось Изабель.

Она кинула взгляд на мать, однако та смотрела на мальчика со странным выражением лица.

А тот смотрел в ответ.

– Я Джонатан, – сосредоточенно произнес он.

– Здравствуй, Джонатан, – проговорила мать Изабель. – Меня зовут Мариза.

Приятно познакомиться.

Протянув руку, она прикоснулась к его волосам. Джонатан, хоть и вздрогнув, остался стоять неподвижно, позволяя Маризе пригладить взъерошенные ветром золотистые локоны.

– Думаю, было бы неплохо тебя подстричь, – заметила она.

Это было произнесено настолько в стиле мамы, что Изабель не удержалась от улыбки, закатив глаза. Этот Джонатан на самом деле нуждался в стрижке. Кончики волос касались воротника, неровные, как будто тот, кто стриг их в последний раз, не особенно заботился о качестве выполнимой работы. Он вообще создавал впечатление бездомного животного с грубым мехом, готового зарычать, хотя это по сути было странным сравнением.

Мама подмигнула:

– Ты станешь еще красивее.

– Такое вообще возможно? – сухо осведомился Джонатан.

Алек рассмеялся. А Джонатан выглядел удивленным, будто бы не замечал его до этого.

Изабель подумала о том, что мальчик, возможно, вообще ни на кого не смотрел, кроме их матери.

– Дети, поздоровайтесь с Джонатаном, – заговорил отец Изабель.

Макс смотрел на него с трепетом. И даже уронил на пол своего плюшевого зайца, рванув вперед и обняв Джонатана за ногу. Тот снова вздрогнул – на этот раз скорее инстинктивно – пока до него дошло, что двухлетний ребенок не собирается его атаковать.

– Привет, Джонатин, – пробормотал Макс, прижимаясь лицом к ткани чужих брюк.

С осторожностью Джонатан похлопал ребенка по спине.

Но братья Изабель не разделяли братской солидарности по отношению к Джонатану Вейланду. Всё накалилось, когда они вернулись домой и завели неловкий разговор, хотя всем жутко хотелось разойтись по постелям.

– Джонатин может спать в моей комнате, потому что мы любим друг друга, – предложил

Макс.

– У Джонатана есть собственная комната. Пожелай ему спокойной ночи, – произнесла Мариза. – Вы сможете увидеться после того, как все отдохнут.

Изабель отправилась к себе, но заснуть так и не сумела – слишком уж была взволнована.

Она как раз красила ногти на ногах, когда до ее слуха донесся тихий скрип двери в коридоре.

Она подскочила – на одной ноге ногти сверкали черным лаком, а на вторую был натянут пушистый розовый носок – и метнулась к двери. Она просунула голову в щель, различив, как напротив из своей спальни точно так же выглядывал Алек. Вдвоем они наблюдали за тем, как силуэт Джонатана Вейланда исчезает в коридоре, после чего Изабель зажестиковала брату, пытаясь понять, пойдет ли он с ней.

Алек недоуменно смотрел на нее. Изабель любила своего брата, но порой приходила в отчаяние, думая об их будущей охоте на демонов. Он совершенно не мог

запомнить ее классные военные сигналы.

Пришлось сдаться, и они поспешили за Джонатаном, абсолютно не знавшим схему Института и сейчас двигавшимся на кухню.

Где они его, собственно, и нашли. Задрвав рубашку, Джонатан водил влажным полотенцем по боку, вытирая кровь, сочащуюся из рваного пореза.

– Во имя Ангела, – пробормотал Алек. – Ты же ранен. Почему ты ничего не сказал?

Изабель ударила его по руке за то, что он нарушил их скрытность.

Джонатан уставился на них с виноватым лицом, словно был пойман за кражей печенья, а не за промыванием раны.

– Не говорите вашим родителям, – попросил он.

Алек, отойдя от Изабель, приблизился к нему, изучая порез, а затем подтолкнул Джонатана к табуретке, заставляя сесть. Изабель не удивлялась. Алек всегда начинал суесться, когда она либо Макс падали.

– Неглубокий, – спустя мгновение произнес Алек, – но родителям лучше бы об этом узнать. Мама сможет применить иратце... или что-то еще...

– Нет! Будет лучше, если ваши родители вообще ни о чем не узнают. Мне просто не повезло, когда один из них задел меня. Я хорошо сражаюсь, – тут же запротестовал Джонатан.

Он говорил с такой яростью, что это вызывало опасения. Если бы ему было не десять лет, Изабель подумала бы, что он волнуется из-за того, что его могут отослать прочь за профнепригодность.

– Ты, очевидно, потрясающий, – фыркнул Алек. – Но кто-то должен прикрывать тебе спину.

Он легко коснулся плеча Джонатана. Крохотный жест, который Изабель могла бы и не заметить, если исключить тот факт, что Алек не прикасался так ни к кому, кроме членов семьи, а также тот факт, что Джонатан Вейланд не дернулся от

прикосновения, словно боясь, что малейшее движение отпугнет Алека.

– Сильно болит? – с сочувствием поинтересовался Алек.

– Нет, – прошептал Джонатан.

Изабель прекрасно понимала, что Джонатан Вейланд станет отрицать свою боль, даже если ему отрежут ногу. Но Алек не моргнул и глазом.

– Хорошо, – произнес ее брат. – Я захвачу кое-что в медицинском отсеке. Разберемся с этим вместе.

Кивнув самому себе, Алек отправился в лазарет, оставляя Изабель наедине со странным окровавленным мальчишкой.

– Вы с братом, кажется, довольно... близки, – заметил Джонатан.

– Само собой, – Изабель моргнула.

Эка невидаль – близкие отношения в семье. Она с трудом удержалась от сарказма – все же Джонатану нездоровилось, а еще он был гостем.

– Значит... вы станете парабатаями? – отважился спросить Джонатан.

– О, нет, я так не думаю, – отозвалась Изабель. – Парабатаи – это немного старомодно, не считаешь? К тому же, мне не нравится мысль о том, что придется отказаться от своей независимости. Я могу быть дочерью своих родителей и сестрой своих братьев, но в первую очередь я – это я. Я и так много кому много кем прихожусь. И не хочу становиться еще для кого-то кем-то достаточно длительное время. Понимаешь?

Джонатан улыбнулся. Один зуб был сколот. Изабель стало интересно, как это случилось, и она лишь надеялась, что это произошло не в результате какого-нибудь сражения.

– Не знаю. Я никому никем не прихожусь.

Изабель закусила губу. Ей раньше не доводилось осознавать, что чувство безопасности она принимала как должное. Пока Джонатан говорил, он глядел на нее, но, замолчав, тут же уставился на дверь, за которой исчез Алек.

Она не могла не отметить того, что Джонатан Вейланд, проведя в их доме всего три часа, уже пытался отыскать себе парабатая.

Мальчик поудобнее устроился на стуле, нацепив на себя маску «слишком-крутой-для-этого-Института», и она с раздражением подумала о том, какой же Джонатан выпендрожник. Ее, Изабель, в качестве выпендрожницы всегда хватало на один Институт.

Они с Джонатаном смотрели друг на друга до тех пор, пока не вернулся Алек.

– Эм... если хочешь, я могу наложить бинты, или ты справишься сам?

Лицо Джонатана было непроницаемым.

– Сам. Мне ничего не нужно.

– Оу, – как-то расстроено отозвался Алек.

Изабель не могла понять, специально ли Джонатан держит такое лицо, дабы защититься или отгородиться от них, но понимала, что ему больно. Алек всегда стеснялся незнакомых людей, а Джонатан казался достаточно замкнутым, так что, похоже, им будет достаточно неудобно вместе, хотя Изабель и видела, что друг другу они понравились. Она лишь вздохнула. Мальчишки были безнадежны. Приходилось брать ситуацию в свои руки.

– Не двигайся, идиот, – приказала она Джонатану, выхватив у Алека из рук мазь, и принялась смазывать чужой порез. – Побуду твоим ангелом милосердия.

– Эм, – подал голос Алек. – Ты переборщила.

Выглядело это все так, словно кто-то пытался выдавить зубную пасту из тюбика и нажал слишком сильно, но Изабель успокаивала себя следующей мыслью: нельзя было добиться результата и в то же время избежать беспорядка.

– Все в порядке, – быстро возразил Джонатан. – Отлично. Спасибо, Изабель.

Подняв голову, она усмехнулась, пока Алек методично разматывал бинты. И отступила назад. Родителям явно не понравится, если она забинтует их гостя на манер мумии.

– Что происходит? – послышался со стороны двери голос Роберта Лайтвуда. – Джонатан! Ты же сказал, что не пострадал.

Подняв голову, Изабель обнаружила в дверном проеме отца и мать с абсолютно одинаково сложенными на груди руками и прищуренными глазами. Похоже, у них с Алеком будут проблемы из-за этих игр в доктора. Большие проблемы.

– Мы просто пытались его немного подлатать, – взволнованно объяснил Алек, выпрямившись перед табуреткой. – Ничего особенного.

– Я пострадал по своей вине, – заговорил Джонатан. – А оправдываются лишь некомпетентные люди. Подобное больше не повторится.

– Ты и впрямь так считаешь? – осведомилась мать Изабель. – Всем воинам доводится получать ранения. Или ты планируешь сбежать к Безмолвным Братьям?

Джонатан Вейланд пожал плечами.

– Я обращался к Железным Сестрам, но в ответ получил обидный сексистский отказ.

Все рассмеялись. На какой-то момент Джонатан выглядел напуганным, а затем довольным, пока вновь не натянул на себя маску, словно запирая эмоции под замок. Мать Изабель помогла ему с раной, в то время как ее отец оставался стоять у двери.

– Джонатан? – позвала Мариза. – Кто-нибудь еще как-нибудь тебя называет?

– Нет, – последовал ответ. – Отец обычно шутил о том, что заведет еще одного Джонатана, если я не буду достаточно хорош.

Изабель вообще не казалось, что это было похоже на шутку.

– Мне всегда казалось, что назвать одного из наших детей Джонатаном – это как для примитивных назвать ребенка Джебедаией, – сказала мать Изабель.

– Джоном, – поправил ее отец. – Примитивные часто называют детей Джон.

– Правда? – Мариза пожала плечами. – Могу поклясться, что Джебедаия.

– Мое второе имя – Кристофер, – заговорил снова Джонатан. – Вы... можете называть меня Кристофером, если захотите.

Мариза и Изабель обменялись вопросительными взглядами. Они с мамой всегда могли вот так вот общаться. Может, потому, что они были единственными женщинами, особенными по отношению друг к другу. И даже не могла представить, что ее мать может сказать ей что-то, что Изабель не хотелось бы услышать.

– Мы не собираемся тебя переименовывать, – грустно отозвалась мама.

Изабель не была уверена, по какой причине возникла эта грусть: по той, что Джонатан был уверен, будто они дадут ему, словно собаке, другое имя, или же по той, что он бы позволил им подобное.

Но в чем Изабель была уверена, так это в том, что ее мама смотрела на Джонатана точно так же, как смотрела на Макса, когда тот учился ходить, и вопрос об испытательном периоде теперь даже не стоял. Джонатан определенно оставался с ними.

– Как насчет прозвища? – предложила Мариза. – Что скажешь насчет Джейса?

Какое-то время он молчал, наблюдая за матерью Изабель боковым взглядом. Пока не улыбнулся – слабо, прохладно, но словно с какой-то зарождающейся надеждой.

– Думаю, Джейс подойдет.

* * *

После того как мальчика представили семье, вампиры уже неподвижно спали, свернувшись вместе в трюме корабля. А Брат Захария направился в город, который казался ему раньше знакомым. Люди, спешащие по своим делам, не могли его увидеть, однако он мог заметить тот самый свет в их глазах, делавшим его как будто другим. Рев автомобильных гудков, резкие звуки шин из-под колес желтых автомобилей, болтовню людей на разных языках всё - это создавало длинную и живую песню, которую Брат Захария не мог спеть, но зато мог услышать.

Не в первый раз с ним случалось нечто подобное: увидеть след того, что было. Но на этот раз всё было по-другому. Мальчик действительно не имел ничего общего с Уиллом. И Джем знал это.

Джем, потому что в те самые моменты, когда он вспоминал Уилла, он был именно Джемом, привык видеть своего потерянного, но такого дорогого Сумеречного Охотника в лицах и жестах других нифилимов, а иногда даже и в определенном ракурсе лица или звуке чего-либо голоса.

Однако это было не то любимое лицо, что он знал, не тот молчаливый голос, хотя иногда, сейчас уже реже, казалось можно уловить в них нечто знакомое.

Рука Джема крепко сжалась вокруг трости. Он не обращал внимания на резьбу под ладонью, как он и делал весь этот прохладный и длинный день.

«Это напоминание о моей вере. Если есть какая-либо часть меня, что будет со мной, а я верю, что она есть, то она под моей рукой. Ничто не сможет разделить нас».

И Джем позволил себе улыбку. Хотя его рот не открылся, он всё же улыбался. Он всё ещё мог говорить с Уиллом, хоть ответа ему было уже не суждено услышать.

«Жизнь – это не лодка, несущая нас на жестокий, неустанный прилив, от всего, что мы любим. Ты не потерял меня на каком-нибудь отдаленном берегу. Жизнь была словно колесо».

Из реки он мог слышать голоса русалок. Все искры города к утру разжигали новый огонь. Наступал новый день.

«Если жизнь – это колесо, то тогда она вернет тебя ко мне. Единственное, что я должен делать, это верить».

Даже когда на сердце становилось так тяжело, что идти дальше было просто невозможно, это всё равно было лучшей альтернативой. Когда Брат Захария чувствовал, что теряет способность бороться, потеряв всё, всегда оставалась надежда.

«Иногда ты кажешься таким бесконечно далеким от меня, мой парабатай».

Свет, отражающийся от воды, не шел ни в какое сравнение с той яркой и

противоречивой улыбкой ребенка, содержащей в себе упрямство и сентиментальность одновременно. Он был ребенком, вынужденным искать себе новый дом, как когда-то Уилл и маленький Брат Захария путешествовали в своей одинокой скорби в то место, где они нашли друг друга. Джем надеялся, что мальчик найдет свое счастье.

Джем улыбнулся мальчику, который давно ушел.

«Иногда, Уилл, - сказал он, - ты кажешься очень близким».

* * *

Отрывок из "Отбрасывая Длинные Тени".

Лондон, 1901

Железнодорожный путепровод прошел всего лишь на волосок от храма Святого Спасителя. Там разразилась целая дискуссия между примитивными о возможности сноса церкви, чтобы освободить место для железной дороги, но это встретило неожиданно яростное сопротивление.

Вместо этого железная дорога прошла несколько более кольцевым путем, и шпиль церкви все еще оставался серебряным кинжалом на фоне ночного неба.

Под арками, крестами и грохочущими рельсами был возведен повседневный рынок, крупнейшая ассоциация бакалейщиков в городе. Ночью рынок принадлежал к Нижнему Миру.

Вампиры и оборотни, колдуны и фейри, встретились под звездами и под чарами, которые человеческие глаза не могли разрушить. У них были свои магические киоски, установленные по той же схеме, что и человеческие киоски, под мостами и через крошечные улицы, но в сумеречных рыночных киосках не держали яблок или репы. Под темными сводами сияли стойла, нагруженные колокольчиками и лентами, яркого цвета: змеино-зеленого, лихорадочно-красного и поразительного оранжевого пламени. Брат Захария почувствовал запах горящего благовония и услышал песни

оборотней о далекой красоте Луны, и фейри, призывающих детей уйти, и они уходили.

Это был первый Теневой Рынок нового года по английским меркам, хотя это был еще старый год в Китае. Брат Захария покинул Шанхай, когда он был ребенком, и Лондон, когда ему было семнадцать лет, чтобы отправиться в Город Костей, где не было никакого подтверждения времени, кроме того, который заключался в прахе воинов. Еще он помнил о праздновании Нового года в своей человеческой жизни, от эгг-нога и гадания в Лондоне до запуска фейерверков и грызения лунных пельменей в Шанхае.

Так вот, снег выпал в Лондоне. Воздух был хрустящим и холодным, как свежее яблоко, и он чувствовал себя прекрасно, обдувая его лицо. Голоса его Братьев были низким гулом в его голове, давая Брату Захарии небольшое пространство.

Захария был здесь на миссии, но он взял небольшое время, чтобы побыть счастливым, ведь он был в Лондоне, на Теневом рынке, он хотел подышать воздухом, чистым от пыли ушедших.

Это было что-то вроде свободы, как будто он снова был молодым.

Он радовался, но это не означало, что люди Теневого рынка радовались вместе с ним. Он наблюдал за многими жителями Нижнего Мира, и даже примитивными, в глазах которых, он не видел желания поприветствовать его. Когда он двигался, темный шум пронизывал гул разговоров вокруг него.

Обитатели Нижнего Мира считали это рыночное время пространством, вырванным у ангелов. Они явно не наслаждались его присутствием среди них. Брат Захария был одним из Безмолвных Братьев, состоящим в Безмолвном братстве, которое долго жило среди старых костей, поклявшись уединиться с сердцами, посвященными праху их города и их мертвым. Никто не мог ожидать, что обнимет Безмолвного брата, и эти люди вряд ли получат удовольствие от появления любого сумеречного охотника вообще.

Даже когда он засомневался, он увидел более странное зрелище, чем ожидал

увидеть на рынке. Там был мальчик - Сумеречный Охотник, танцующий канкан с тремя фейри. Он был младшим сыном Шарлотты и Генри Фэйрчайлдов, Мэттью Фэйрчайлдом. Его голова была отброшена назад, его светлые волосы сияли огнем, и он смеялся.

У Брата Захарии было мгновение, чтобы задаться вопросом, был ли Мэттью под чарами, прежде чем Мэттью увидел его и склонился вперед, оставив фейри позади него, выглядящих недовольными. Честный народец не привык, что смертные пропускают свои танцы.

Мэттью, кажется, не заметил этого. Он подбежал к брату Захарии, обнял его за шею и нырнул головой под капюшон Безмолвного брата, чтобы поцеловать его в щеку.

— Дядя Джем! — Радостно воскликнул Мэттью. — Что ты здесь делаешь?